

В небе истребители

В начале апреля 1942 года для прикрытия с воздуха Краснодара, Новороссийска, Тихорецка и других городов края на Кубань был перебазирован 628-й истребительный авиационный полк. Командовал им майор Е. Н. Грищенко. Комиссаром полка был майор А. Д. Дьяченко.

С первых дней летчики вступили в борьбу с авиацией врага, который настойчиво рвался к Новороссийску, игравшему большую роль в снабжении наших войск в осажденном Севастополе.

В годы войны мне пришлось участвовать во многих воздушных боях. Большинство из них навсегда врезалось в память. Были победы и неудачи, но мне хочется рассказать о событии, которое произошло 2 июля 1942 года над Новороссийском.

С утра погода была нелетной. Небо затянули сплошные низкие облака. Моросил дождь. Немецко-фашистское командование решило воспользоваться плохой погодой, чтобы нанести бомбовый удар по Новороссийску и порту. Оно бросило на город лучшие экипажи бомбардировщиков и истребителей. Враг рассчитывал и на то, что наши И-16 в такую погоду не смогут взлететь.

К 12 часам дождь прекратился. В облаках появились просветы. Истребители находились в готовности номер один. От постов ВНОС (воздушное наблюдение, оповещение и связь) никаких сигналов о противнике не поступало. Вдруг до слуха авиаторов донесся гул моторов. Вскоре из-за облаков и в их разрывах показались три группы бомбардировщиков Хе-111 и Ю-88. Их было более сорока. Они шли под прикрытием двадцати истребителей Ме-109. Пытаясь дезориентировать нас, эта злобешая армада шла на город и порт с нескольких направлений, на разных высотах и с небольшими интервалами по времени.

По сигналу с КП наши самолеты попарно пошли на взлет. В воздух поднялись шесть истребителей. Силы были неравными. Маленький И-16 первым дерзко атаковал строй бомбардировщиков Хе-111, внес сумятицу в их ряды и сорвал замысел врага. Это был самолет старшего лейтенанта Алалыкина. Несколько метких очередей, и ведущий группы Хе-111 охвачен пламенем. Следующими атаками Алалыкин внес такое замешательство в группу бомбардировщиков врага, что они, не дойдя до цели, стали сбрасывать бомбы в море и поспешно поворачивать на запад. Старший лейтенант продолжал преследовать их. Вот сбит еще один «хейнкель». Но в схватке поврежден самолет Алалыкина: пробит масляный бак. Забрызгивает маслом козырек кабины и лицо летчика. Через одну-две минуты заклинает мотор. Летчик принимает решение выйти из боя и со сниженным планировать на свой аэродром. В это время его атакует Ме-109. Боеприпасы на самолете Алалыкина израсходованы. Летчик имитирует лобовую атаку, рассчитывая, что фашист ее не выдержит. Так оно и вышло. Фашист отбавил в сторону и исчез.

В это время катер береговой охраны подобрал в море экипаж со сбитого Алалыкиным Хе-111. Пленные дали ценные сведения о расположении авиации противника. В том же бою летчики эскадрильи сбили еще несколько самолетов Хе-111 и Ю-88. Младший лейтенант Абрамов в первой же атаке с расстояния 80—100 метров несколькими короткими очередями поджег Хе-111. Настойчивость и упорство в достижении победы над врагом в этом бою проявил летчик-истребитель Малеев. Во время атаки группы Ю-88 метким пулеметным огнем он повредил мотор «юнкерсу». Враг со сниженным стал уходить в море, надеясь, что на фоне волн его не заметят и не станут преследовать. Но летчик Малеев разгадал маневр врага, он продолжал вести по нему огонь, пока тот не упал в море. Это произошло в 130 километрах от берега. Малеев на пределе, почти с пустым баком возвратился на аэродром.

Все мы знали Малеева как смелого, мужественного и честного товарища. Но для официального боевого донесения в вышестоящий штаб требовалось подтверждение о сбитом самолете, и оно пришло. Вскоре командир подлодки, дежурившей в том квадрате моря, сообщил, что в 130 километрах от берега наш истребитель И-16 сбил

фашистский самолет. От имени экипажа подлодки он поздравил летчика с победой. В этом же бою летчик Румянцев тоже поджег Хе-111. Летчики нашей эскадрильи в этом бою сбили пять бомбардировщиков врага. Сами потерь не имели, только было много пулевых пробоин в самолетах.

В отражении налета фашистской авиации на город и порт Новороссийск 2 июля 1942 года участвовал и я в паре с младшим лейтенантом Турчиным. Мы громили бомбардировщики противника. Но во время боя сами были атакованы четверкой истребителей Ме-109. Мы были вынуждены принять их вызов. На устаревших И-16 нелегко вести бой с Ме-109. Они значительно превосходили наши истребители в скорости и вооружении. Преимущество — на стороне противника. Поэтому мы стали в круг и применили тактику лобовой атаки. Мы знали, что фашистские летчики ее, как правило, не выдерживали и до сближения с нашими самолетами отворачивали вверх или в сторону.

В отражении этого налета участвовали и летчики 3-го истребительного полка морской авиации, которые были вооружены самолетами ЛаГГ-3. Бомбардировщики фашистов понесли потери и, расчлененные на отдельные звенья, преследуемые нашими истребителями, ушли от цели. Мы с Турчиным все еще продолжали вести бой с Ме-109. Он длился уже около семи минут. За это время каждый из нас много раз бросался в лобовые атаки. Не добившись успеха, Ме-109 ушли в направлении Керчи. В первом воздушном бою мы с Турчиным не сбили ни одного самолета, но и противник не добился победы.

После посадки на аэродром Гайдук авиатехники и механики насчитали в моем самолете восемнадцать пробоин. Одна пуля прошла поперек подошвы моего левого сапога и разделила ее на две части, а другая перебила боуденовский трос одного из пулеметов и вывела его из строя. После этого случая летчики, авиатехники и механики в шутку говорили: «Боуденовский трос мы тебе, Дима, быстро заменим на новый, а вот что с сапогом делать: срок носки еще не истек...»

Летом 1942 года военная обстановка на Северном Кавказе была чрезвычайно тяжелой. Полку пришлось часто менять место базирования и вести боевую работу одновременно с нескольких аэродромов. Наша эскадрилья перелетела в Тихорецк с целью прикрыть город и

железнодорожный узел. На отражение налетов врага эскадрилья по несколько раз в день поднималась в воздух во главе со своим командиром капитаном Алалыкиным. В те памятные дни с особой силой проявились такие качества советских летчиков, как боевая дружба, самопожертвование, готовность помочь товарищу, попавшему в опасную обстановку. Советские летчики всегда следовали суворовскому правилу: «Сам погибай, а товарища выручай». 31 июля 1942 года командир эскадрильи капитан Алалыкин и его заместитель младший лейтенант Абрамов (ныне генерал-полковник авиации) возвращались с боевого задания. При пролете над аэродромом около станции Мечетинской, занятой в то время противником, наши истребители были обстреляны зенитным огнем. Самолет Алалыкина получил повреждение. В четырех километрах южнее станции Мечетинской он произвел вынужденную посадку на только что скошенное поле. Там еще стояли копны неубранной пшеницы. В нескольких километрах по дороге двигались фашистские войска. Абрамов видел с высоты полета, как грузовая автомашина с гитлеровскими солдатами направилась к месту приземления самолета. Малейшее промедление грозило командиру эскадрильи и товарищу пленом. Бензин в самолете Абрамова был на исходе. Риск возрастал еще и потому, что на поле вразброс стояли копны пшеницы. Мощность мотора И-16 не позволяла надеяться на успешный взлет, да еще с пассажиром на борту. Абрамов, верный воинскому товариществу, пошел на риск. Он обстрелял грузовик с солдатами, которые торопились к Алалыкину, а затем приземлился рядом с самолетом командира. На глазах у противника он забрал Алалыкина. С большим трудом одноместный истребитель с двумя летчиками на борту взлетел с хлебного поля. Через десять минут они — на своем аэродроме.

Вскоре перед строем личного состава полка были зачитаны Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении Владимира Никитовича Абрамова орденом Красного Знамени и приказ командующего войсками ПВО страны о присвоении ему внеочередного звания старшего лейтенанта.

Около двухсот боевых вылетов совершил капитан А. Алалыкин в небе Сталинграда и Кубани на прикрытие наших городов и войск, на разведку и штурмовку противника. 1 августа 1942 года (на другой день после

спасения Абрамовым) группа вражеских самолетов неожиданно нанесла бомбовый удар по нашему полевому аэродрому. Осколок бомбы оборвал жизнь летчика коммуниста А. А. Алалыкина. За образцовое выполнение боевых заданий в борьбе с фашистскими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество он посмертно был награжден орденом Ленина.

Шел август 1942 года. Оказавшись на одном из главных направлений наступления вражеских армий на Северном Кавказе, 628-й иап нес потери. Смертью героя погиб заместитель командира эскадрильи и парторг младший лейтенант Т. И. Шуваев. Он повторил бессмертный подвиг капитана Гастелло.

А было это так. Базировались мы тогда на одном из аэродромов. 23 августа 1942 года, во второй половине дня, с КП авиадивизии поступил приказ: «Произвести вылет группы истребителей на штурмовку войск противника в районе станицы Неберджаевской». Это был уже пятый по счету боевой вылет за день. Командир полка решил послать группу во главе с младшим лейтенантом Шуваевым в составе летчиков С. Малеева, М. Харалдина, М. Кудрявцева, К. Доношенко и автора этих строк. Я шел ведомым у командира группы. Перед вылетом Шуваев уточнил выполнение задания: дал указание летчикам о их месте в строю, взаимодействии между экипажами, порядке захода на штурмовку. Подробно рассказал о том, как лучше организовать действия над целью и во время ухода от нее. Сделал паузу, подумал, что-то припоминая, и добавил: «Местность гористая, лесная. Враг маскируется, и обнаружить его бывает подчас трудно. Поэтому, если не заметим войск противника на дороге, будем бить по батареям зенитной артиллерии. Реактивных снарядов и патронов назад не привозить».

В 15 часов наша группа уже в воздухе. Небо безоблачное, видимость хорошая. Набрали высоту 1200 метров. Идем над Кавказским хребтом на северо-запад. При подходе к Неберджаевской увидели: по дороге на северную окраину станицы выходит колонна танков и автомашин. Увидев наши самолеты, фашисты пытались рассредоточиться и замаскироваться в кустах, растущих вдоль дороги. Сверху нам хорошо все это было видно...

Командир группы сигналами своего самолета (тогда радиосвязи на И-16 не было) перестроил группу в пра-

вый пеленг и дал сигнал начать атаку. Шуваев шел первым. Остальные следовали примеру командира.

Один, затем другой заход... Несколько автомашин горят. Вражеские зенитки открыли огонь по самолетам, чем и обнаружили себя. Шуваев перевел самолет в пики на зенитную батарею. Огнем РС (реактивные снаряды) и пулеметов он быстро заставил ее замолчать. Остальные летчики били по танкам и автомашинам. Но вдруг «заговорила» еще одна зенитная батарея. Шуваев заметил ее. Боевым разворотом он набрал высоту и спикировал на нее. И тут снаряд попадает в носовую часть самолета. Из-под капота И-16 вырвалось пламя. Это хорошо видели летчики. Шуваев определил, что самолет уже нельзя спасти. Попадать в плен он не хотел, поэтому, не выходя из пики, сознательно направил горящий самолет на зенитную батарею.

Мне все это хорошо было видно, потому что, следуя за Шувасвым, я выбирал цели и вел огонь, но в последнем пики стрелять не мог, так как впереди был самолет Шуваева. До последнего момента истребитель командира был управляем, ибо перед самой землей герой повернул его на 15—20 градусов влево, а затем также резко вывел его из левого крена. Кроме того, он до самой земли вел огонь из пулеметов по разбегавшимся в панике гитлеровцам. Младший лейтенант Шуваев заставил зенитную батарею фашистов замолчать, помог товарищам успешно выполнить боевое задание. Невыносимо горько видеть гибель своего боевого товарища. Мы с еще большей яростью громили врага, выполняя приказ: «Реактивных снарядов и патронов назад не привозить».

Сверху было видно дорогу и ее обочины. Там горело более десяти танков и автомашин, на земле лежали трупы вражеских солдат и офицеров. После штурмовки врага летчики попарно пролетели над местом гибели любимого командира, воздав ему последние почести. В тот день, 23 августа 1942 года, после напряженного боя в полку состоялся митинг, посвященный памяти Т. И. Шуваева. Открывая его, комиссар полка майор Дьяченко подчеркнул, что младший лейтенант Шуваев до конца выполнил долг воина и коммуниста. Личный состав полка поклялся еще беспощаднее бить фашистских захватчиков.

В приказе по 268-й истребительной авиационной дивизии ПВО страны отмечались доблесть, мужество и

смелость младшего лейтенанта Т. И. Шуваева. Там же говорилось о зачислении его имени навечно в списки личного состава полка. Указом Президиума Верховного Совета СССР младший лейтенант Тимофей Иванович Шуваев был награжден посмертно орденом Отечественной войны I степени.

Прошло почти сорок лет со дня героического подвига Тимофея Шуваева. В ту пору ему шел двадцать второй год. Нам, его сверстникам, ветеранам Великой Отечественной войны, уже седьмой десяток. Стали головы седыми, а подвиг Тимофея Шуваева помним во всех подробностях, словно это было вчера.

Высокая боеспособность полка, смелость и мужество его воинов во многом объяснялись тем, что среди его личного состава была большая партийная и комсомольская прослойка. Коммунисты и комсомольцы составляли 90 процентов личного состава полка. Коммунистами и комсомольцами были все летчики. Много лет спустя, вспоминая многочисленные боевые подвиги, вновь и вновь убеждаешься: какой могучей силой являлись коммунисты на войне. Они цементировали ряды воинов в единую, крепкую духом армию.

Нас, коммунистов, иногда спрашивали: какие партийные поручения мы выполняем? Ответ был один — уничтожаем фашистских захватчиков для освобождения от оккупантов нашей социалистической Родины.

Весна 1943 года.. 12 февраля под натиском наших войск фашисты оставили Краснодар. Вскоре наш полк вновь приземлился на его аэродроме. Над Кубанью опять развернулись ожесточенные воздушные бои, в которых с обеих сторон участвовали тысячи самолетов. 628-й иап прикрывал освобожденный Краснодар от налетов вражеской авиации, не давал противнику вести разведку в тылу наших войск. Наш авиаполк уже был вооружен новыми истребителями Як-1, очень хорошими самолетами для того времени. Летно-технический состав полка имел большой опыт боевой работы.

Ненависть к врагу, топтавшему нашу землю, была у наших воинов беспредельна. Так, 13 мая 1943 года летчик комсомолец К. Михайлов в районе Краснодара перехватил фашистский разведчик Хе-111 на высоте 7000 метров и открыл по нему огонь. Несколько очередей из пушки и пулеметов не дали результата. Боеприпасы кончились. Враг уходил на запад. К. Михайлов принимает

решение идти на таран. Винтом своего самолета он отрубил хвостовое оперение «хейнкеля». От удара самолет Михайлова отбросило в сторону. Летчик на некоторое время потерял сознание. Истребитель вошел в штопор. Придя в сознание, на высоте 3000 метров Михайлов вывел самолет из штопора, спланировал и благополучно сел на свой аэродром. Винт самолета погнут, в фюзеляже и крыльях было обнаружено более двадцати пулевых пробоин. Хе-111 упал вместе с экипажем из четырех человек в районе села Калининно, что севернее Краснодара.

Этот бой наблюдали многие жители города. 14 мая 1943 года Совинформбюро сообщило: «Летчик-истребитель лейтенант Михайлов вступил в бой с вражеским разведчиком Хе-111 и таранил его. Самолет противника упал на нашей территории. Товарищ Михайлов благополучно приземлился на свой аэродром». Указом Президиума Верховного Совета СССР за смелость и мужество, проявленные при уничтожении вражеского разведчика, лейтенант Константин Михайлов был награжден орденом Ленина.

Через несколько дней лейтенант Волков повторил подвиг Михайлова: двойным таранным ударом он сбил разведывательный самолет Ю-88. Бой шел на высоте 7000 метров. Лейтенант Волков благополучно сел на одном из наших аэродромов.

Летчики 628-го иап внесли достойный вклад в разгром фашистских войск на Кубани. Участвуя в битве за Кавказ, они совершили свыше 3500 боевых вылетов. Десятки гитлеровских асов нашли свой бесславный конец на кубанской земле.

С весны 1943 года мне довелось воевать уже в составе 42-го гвардейского истребительного авиационного полка 4-й воздушной армии. В полку были свои прославленные в боях с врагом Герои Советского Союза — М. М. Осипов, А. Л. Приказчиков, Н. К. Наумчик, Г. Р. Павлов, И. М. Горбунов, Ф. З. Калугин. Словом, в полку служило немало опытных летчиков, у которых было чему поучиться.

15 июня 1943 года группа из шести истребителей Як-1 под командованием Героя Советского Союза гвардии майора Наумчика рано утром вылетела на прикрытие наших войск в район Крымское — Киевская. Высота прикрытия — 3000 метров. Четыре Як-1 с командиром составляли ударную группу, а гвардии старший лейте-

нант Конкошев (впоследствии Герой Советского Союза) и я находились в паре прикрытия и несколько выше их.

Вскоре мы заметили, что на 100 метров выше и справа от нас встречным курсом идет группа из восьми Me-109. Командир группы Наумчик крикнул по радио: «Атакуем!» С набором высоты мы пошли на сближение с противником. Атаковали его на встречно пересекающихся курсах. Первая схватка командира группы оказалась успешной: один Me-109 загорелся и пошел к земле. Завязалась воздушная карусель. В нашей паре атаковал Конкошев, а я прикрывал его. За первой схваткой последовали вторая и третья. Один Me-109 подбит. Конкошев из пушек рубанул его так, что тот буквально рассыпался в воздухе.

Окрыленные успехом, мы продолжали бой. Теперь количество самолетов противника и наших сравнялось. По шесть истребителей с той и другой стороны. Групповой бой постепенно перешел в бой пар истребителей. На одном из виражей мне удалось зайти в хвост «мессершмитту» и открыть огонь. После второй очереди Me-109, не выходя из виража, зарылся носом вниз, задымил и пошел к земле. Конкошев прикрывал меня, и это способствовало успеху. Четвертый Me-109 был сбит младшим лейтенантом Раенко. После этого уцелевшие фашистские летчики пикированием покинули поле боя. Мы не стали преследовать их. У нас была другая задача — прикрытия своих войск на линии фронта. Через полчаса в воздухе нас сменила другая группа истребителей. На второй день этот поединок был описан в армейской газете «Крылья Советов».

Известно, что фашистские войска сильно укрепились на «Голубой линии». Надо было изучить оборону. Сделать это лучше всего с помощью фотографирования в 12 часов дня — в это время на земле нет тени от объектов. День должен быть ясным, с хорошей видимостью. Фотографировать надо с 900 метров. Выполнение этого задания командование поручило 42-му гвардейскому истребительному авианолку. Из каждой эскадрильи выделили по одному экипажу. Это были летчики С. Зайцев, К. Вернигора и я. На самолеты установили качающиеся фотоаппараты, чтобы каждый мог фотографировать как можно более широкую полосу. Нас прикрывали шесть истребителей Як-1.

Несмотря на то что во время полета и фотографиро-

зания на боевом курсе над «Голубой линией» небо было черным от взрывов зенитных снарядов, задание выполнялось успешно. Трудности были в основном оттого, что редко выпадали дни с ясной солнечной погодой. Из-за этого мы потеряли много времени.

В одном из боевых вылетов самолет гвардии младшего лейтенанта Вернигора был сбит огнем вражеских зениток. Только после войны мы узнали, что летчик Вернигора выбросился из горящего самолета с парашютом и попал в плен. Ему довелось испытать все муки фашистского ада, но все-таки чудом остаться живым.

Мы с Зайцевым, двумя экипажами, сделали по тридцать боевых вылетов и завершили фотографирование «Голубой линии». За выполнение этого сложного задания каждый из нас был отмечен правительственной наградой.

Но фронтовая судьба переменчива: 22 июля 1943 года в районе станицы Крымской во время воздушного боя я был сбит. Противник превосходил нас численно: шесть Як-1 против восьми Ме-109. Да и в высоте он имел преимущество. Поэтому инициатива в начале боя была на его стороне. Атакуя Ме-109, я увлекся. Ведущего Конкошева не предупредил, не попросил прикрыть себя. Сам не заметил, как другой Ме-109 зашел моему самолету в хвост. Снаряды с Ме-109 попали в бензобак, и он взорвался. Правое крыло отлетело. Истребитель, продолжая гореть, вошел в штопор. Я выбросился с парашютом и, чтобы фашистские летчики не смогли расстрелять меня (они это делали часто), раскрыл его у самой земли. При отделении от самолета я ударился ногами о стабилизатор. Это было недалеко от передовой линии. Поэтому меня сразу отправили в медсанбат. Но уже на второй день я возвратился в свой полк. 24 июля я вновь в строю. И в этот же день группа из шести «яков» в составе летчиков Горбунова, Раенко, Потапова, Конкошева и автора этих строк под командованием Героя Советского Союза гвардии майора Наумчика вылетела на прикрытие наших войск в район Крымская — Молдаванское. Как и прежде, разделились на две группы — ударную и прикрытия. Мы с Ахметом Конкошевым прикрывали товарищей.

Подлетая к линии фронта, увидели, что на нашей высоте — 3000 метров — находятся десять Ме-109. Гвардии майор Наумчик по радио дал команду: «Ребята, на «мессеров» — с ходу!»

Атака наших истребителей была стремительной, с

задней полусферы, справа. Противник заметил нас и вышел из-под огня. Завязалась огненная карусель. Бой длился уже несколько минут. В один из моментов над нами с превышением в 100 метров появилась пара Ме-109. Я передал по радио Конкошеву: «Впереди справа два «месса». Я ближе к ним». Он ответил: «Атакуй! Прикрою». Я бросился на ведомого Ме-109 с кабрирования¹ и дал по нему две длинные очереди из пушки и пулеметов. Ме-109 медленно перевернулся через левое крыло и вошел в отвесное пикирование...

После возвращения на свой аэродром и посадки Ахмет Конкошев первый поздравил меня с победой. Я же был рад вдвойне, так как, кроме всего, это была реабилитация перед командованием и товарищами за ту ошибку в воздушном бою, которую я допустил двумя днями раньше.

Бои за освобождение Кубани завершались. В них мы приобрели опыт побеждать врага. Но были и неудачи. Мы теряли наших товарищей и сами не раз смотрели смерти в глаза. 9 октября был изгнан последний оккупант с Таманского полуострова. Впереди — освобождение Крыма, Белоруссии, Польши, разгром немецко-фашистской армии на территории Германии.

Д. М. Саратов, майор в отставке.

¹ Кабрирование — резкий набор высоты.